

ГЕОРГИЙ БАЖЕНОВ

**МУЗЫ
СОКРОВЕННОГО
ХУДОЖНИКА**

РОМАН-ПОРТРЕТ

Москва
«Книга по Требованию»
2014

ББК 84(2Рос-Рус)6

Б 16

Посвящая жене
ТАТЬЯНЕ ВЛАДИМИРОВНЕ
БАЖЕНОВОЙ

Баженов Г. В.

Б 16 Музы сокровенного художника. *Роман-портрет*. — М.: Книга по Требованию, 2014. — 240 с. Ил.

ISBN 5-7117-0115-0

ISBN 978-5-711-70115-6

«Музы сокровенного художника» — это ответ Георгия Баженова на два сакраментальных вопроса современности. Первый: что такое жизнь человека — *фатальность* или *творчество*? Второй: что такое жизнь творца — высота откровения или бездна заблуждения? Но еще более сущностной вопрос романа: какое место занимает в нашей жизни *любовь*?

Читайте и наслаждайтесь, дорогие друзья.

ББК 84(2Рос-Рус)6

ISBN 5-7117-0115-0

ISBN 978-5-711-70115-6

© Баженов Г. В., 2006

© Издательство

«Книга по Требованию», 2014

Я праздновал бы великий праздник радости, если бы кто-нибудь несомненными доводами убедил меня, что я заблуждаюсь.

К. Н. Леонтьев

Глава I

Зазвонил телефон, Вера подняла трубку.

— Тетя Вера, можно мы приедем? — Ванюшкин голос звенел как колокольчик.

— Конечно, можно, — ответила Вера. И улыбнулась устало, отрешенно: — Конечно, приезжайте.

— А папа дома?

Что она могла ответить?

— Нет, папы дома нет. Мы одни.

— А что делает Баженчик?

— Вот, стоит рядом, теребит меня за подол. Мы пол моем.

Полуторагодовалый сын Веры, действительно, стоял рядом и размахивал тряпкой, так что брызги летели во все стороны.

— Тише, тише, сынок... Ишь, развоевался! — Вера успокаивающе погладила его по голове.

— Ага, я развоевался, — самозабвенно подтвердил тот.

— Так мы едем! — еще звонче прокричал Ванюшка и положил трубку.

Вера какое-то время постояла у телефонной полки, при этом руки у нее висели как плети, но вот она встряхнулась от наваждения, улыбнулась бесшабашной улыбкой:

— Ну, сынок, будем дальше пол мыть?

— Будем! — и он со всего маха бросил тряпку в ведро: фонтанным веером брызнула оттуда вода.

Вера не стала ругать сына (что с него возьмешь?), подхватила ведро и тряпку и принялась домывать полы. Сын копошился рядом — бо-сой, с мокрыми ногами, в одних трусах, даже без майки, хотя температура в комнате была не ахти какой жаркой. Вера давно решила: не сюсюкать над сыном, пусть растет, как растет, из-за чего не раз, конечно, ругались они с Гурием, с мужем.

Да что теперь вспоминать... Есть ли он теперь, муж? Кто его знает. Подхватился — и уехал. А куда, зачем, на сколько — спроси ветра в поле.

Но не привыкла унывать Вера: чему быть — того не миновать. Высоко подоткнув подол платья, она мигом домыла пол в комнате и, пятясь, выбралась в коридор. И коридор решила помыть, и кухню, и ванную с туалетом: легче на душе становится, когда квартира сияет чистотой, порядком и уютом.

Из комнаты напротив вышел сосед Виктор:

— Ах, Верка, — прищелкнул он языком, — ну и ножки у тебя!

— Не смотри! — отмахнулась Вера, продолжая мыть, как ни в чем не бывало.

— Ну да, не смотри, — косился Виктор. — Не показывай — смотреть не буду. Да, занозистая девка! — он подхватил на руки Бажена: — Ну что, герой, мамке, как всегда, мешаешь?

— Я помогаю...

Вера распрямилась, тыльной стороной ладони провела по упрямо спадающей на лоб пряди — волосы у нее были густокаштановые, пышные, схваченные сзади в узел красно-перламутровой заколкой, — улыбнулась Виктору:

— Забери его к себе. А я домою тут...

— Пойдешь к нам? — затормошил сосед малыша: — А? Пойдешь или нет, говори?!

— А велосипед дашь? — сказав это, Бажен проказливо-недоверчиво смотрел на взрослого дядьку.

— Дам. А как же.

— Пошли тогда, — и стал нетерпеливо подталкивать Виктора к его комнате.

Квартира была коммунальная, трехкомнатная: в одной комнате жили Божидаровы (Вера, Гурий, Бажен), в другой — бездетные, однако порядком пожившие на свете люди — Михаил Иванович и Антонина Ивановна, а в третьей — Виктор с женой Галей и сыном Димкой. Димка с утра ушел в детский сад, так что велосипед его можно пустить в прокат без всякой опаски: обычно Димка неохотно делился игрушками.

Дверь в свою комнату Виктор оставил открытой. Бажен взгромоздился на трехколесный велосипед, однако ногами до педалей не доставал,

и Виктор, придерживая Бажена, сам катал велосипед по ковру, при этом не забывал разговаривать с Верой:

— Что-то Гурия не видать, а, Вера?

— Долго теперь не увидишь, — с придыханием, моя полы, обозленно-весело ответила Вера.

— В командировке, что ли?

— Ага, в командировке, — усмехнулась Вера. — Такая командировка, лучше не придумаешь... Сбежал наш Гурий!

— Как сбежал?! — Виктор от изумления даже выглянул из комнаты и опять не смог не воскликнуть: — Ну, Верка, бесстыжая! Да спрячь ты ноги свои, дура-баба!

— Очень просто сбежал, — не обращая внимания на восклицание соседа, продолжала Вера: — «Не могу больше с вами жить!» — хлоп дверью — и был таков. Ван-Гог с большой дороги!

Виктор рассмеялся.

— Нашел чему смеяться, — проворчала Вера.

— Дядя Витя, катать, катать! — требовал Бажен, потому что Виктор на некоторое время отвлекся от своих «обязанностей». Вновь взявшись за велосипед, Виктор объяснил Вере:

— Да это я так, не в обиду рассмеялся... Ты говоришь: «Ван-Гог с большой дороги!» Ну, я и... Смешно!

— Ага, художник чертов! Представляешь, Вить, не живется ему, как всем. Плохо ему с нами! И с Ульяной плохо было, и с Ванюшкой, с Валентином плохо. А с кем тогда хорошо?! В гро-

бу ему будет хорошо, на том свете, вот где успокоится наконец, лысый вурдалак!

И опять Виктор не выдержал — рассмеялся.

Он и вообще-то был смешливый, добрый, легкий на сердце человек, сосед Виктор. Работал он в милиции, старшим сержантом, обычно дежурил на «боевом» посту вблизи станции метро. Жена его, Галя, работала диспетчером вневедомственной охраны (на пульте противоквартирных краж), у них было двое детей — Андрей и Димка. Старший, Андрей, воспитывался на юге, бабушкой Галки; а Димка рос здесь. Примечательно, что Виктор с Галей недавно развелись, но продолжали жить в одной комнате (а где взять жилье?). Платил Виктор Галке алименты — тридцать три процента за двоих сыновей, хотя старший мальчик не жил с ними. Галка не высылала бабушке деньги на воспитание Андрея, наоборот, бабушка умудрялась помогать дочери, высылала кое-что сюда, в Москву. «Хорошо устроилась, — говорил обычно про жену Виктор. — Двух маток сосет...»

Посмеявшись, Виктор с подходцем поинтересовался (Вера перешла мыть пол на кухню):

— Может, он к Ульяне подался? К бывшей супружнице?

— Как бы не так! Он шарахается от нее, как черт от ладана. Да и вон только что Ванюшка звонил. Хотят приехать... Если что, они бы первыми знали. Не-ет, в бега он подался. Куда-нибудь подальше от нас всех, от детей... К загадочным

своим мадоннам, с ними слаще, видать, пропащее его дело.

— А так вообще-то он вроде неплохой мужик, а, Вер? — осторожно закинул удочку Виктор.

— Все вы неплохие мужики. А вот как наржаем вам детей — начинаете куролесить, будто черти на горбу скачут. Тьфу!

— Мама, не ругайся, нехорошо, — строго произнес Бажен и, насупившись, погрозил ей указательным пальцем.

— Не буду, не буду, — отходчиво улыбнулась Вера, направляясь в ванную — поменять в ведре воду.

— А Ванёк с Вальком приедут — что им скажешь? — поинтересовался Виктор у Веры.

— Ванек- Валек, Ванек-Валек, — стал самозабвенно повторять имена братьев Бажен.

— Вот ума-то и не приложу, что им сказать. Ванюшка по телефону спросил: «А папа дома?» Нет, говорю, мы одни. А вот приедут — что им сказать?

— Да, задача, — нахмурился сосед. Он подумал: «Эх, мне б такую жену, как Верка! Да я бы горы свернул... А Гурий — сбежал. Чего, спрашивается?» А вслух посоветовал: — Скажи, в командировке — и все дела.

— Да уж, видать, придется.

— Может, еще вернется, одумается? — Виктор по себе знал, сколько раз хотелось плюнуть на все, на пропащую свою жизнь с Галкой — и вдруг, наоборот, начинал надеяться наладить эту

жизнь, сделать доброй, взаимно счастливой, хорошей. Но не получалось.

Покончив с уборкой, Вера ополоснулась под душем, весело-восторженно брызгаясь под жгучими сильными струями, напевая вполголоса цыганский романс: «Только раз бывают в жизни встречи, только раз судьбою рвется нить...» Виктор слышал эту ее песню, слышал и то, как весело, звонко разбиваются струи о горячее молодое тело Веры, и было ему сладко-томительно и, пожалуй, даже жарко до озноба, которым в иные секунды пробирало его с ног до головы. Потом Вера вышла из ванной, словно выпорхнула: в ярко-цветастом длиннополном халате, быстрая, свежая, с румяно-упругими, как яблоки, щеками, с блистающими в улыбке белоснежными зубами, с глазами, в карих наплывах которых черными огнями горели антрацитовые зрачки. Вышла, встряхнула головой, и пышные ее каштановые волосы струями полились по плечам, по груди, по всему молодому яркому телу.

«Ах, Верка, Верка!» — безнадежно восхищался сосед Виктор.

Коммунальная квартира блестела чистотой, и на душе, почувствовала Вера, действительно стало отрадней и спокойней. Продолжая напевать цыганский романс, Вера направилась на кухню, поставила на плиту чайник. В этот момент в дверь квартиры напористо-весело зазвонили.

— Ну, братцы твои приехали. Иди, встречай! — крикнула Вера Бажену.

И тот, смешно повторяя: «Ванек-Валек приехали, Ванек-Валек приехали», со всех ног бросился к входной двери и запрыгал вниз, поджидая, когда подойдет мать и щелкнет английским замком. В нетерпении он стучал кулаком в дверь и говорил: «Сейчас, сейчас!» («Час, час!»)

Вера дверь открыла, и ребята влетели в квартиру, как ураган. В черных вельветовых брюках, в ярких красно-белых куртках, в спортивных вязаных шапках, в красно-белых кроссовках, они в первые секунды всегда воспринимались как братья-близнецы, хотя в действительности были погодками: Валентину — одиннадцать лет, Ванюшке — десять. Похожими их делала одинаковая одежда, однако сами по себе они были очень разные: Валентин — повыше ростом, посветлей, поласковей, с туманно-голубыми глазами, с мягкой хитроватой или ироничной улыбкой; Ванюшка — крепкий, резкий, с темными глазами, серьезный и не улыбочивый. Правда, если улыбался, то доверчиво до наивности, простодушно. Учились они так: Ваня — получше, Валя — похуже.

Как влетели в квартиру, Ванюшка сразу подхватил Бажена на руки, стал тормошить его, тискать, обнимать, а тот, глупыш, округлил глаза и все повторял:

— Я большой, у-у-у, я большой! (Получалось: «Я бо сой, у-у-у, я бо сой...»)

Братья смеялись:

— Ты босой? Без ботиночек? Ну-ка, давай наденем ботиночки. — Хотя прекрасно пони-